

САД КАК СТИХ:
ПЕТЕРБУРГ В СТИХОТВОРЕНИЯХ НИКОЛАЯ НЕДОБРОВО

Уго Перси

После смерти Николая Владимировича Недоброво его имя на много лет исчезло с литературоведческого горизонта. Сегодня же личность и творчество поэта достаточно внимательно изучены. Об этом свидетельствуют различные публикации,¹ которые, однако только мимолетно, дают представление о тематике его поэтических произведений в целом и о теме “Петербург” в частности.

До десятилетнего возраста Николай Недоброво жил в семейных имениях в Тамбовской и Курской губерниях, затем учился на Украине, в Харькове, и наконец переселился в Петербург, где активно участвовал в бурной литературно-художественной жизни последних лет старой России, с угасанием которой он также простился и с родиной и с веком: умер Н. Недоброво в Ялте в 1919 г. от чахотки в возрасте тридцати семи лет, оставив небольшое, но блестящее литературное и критическое наследие.

Сразу после приезда Николая Владимировича в столицу стало ясно, что в культурном созвездии города заблистала новая звезда: провинциал стал коренным петербуржцем. Он не только самым естественным образом вжился в столицу, а до такой степени сумел пропитаться петербургской культурой, что стал уникальным ее интерпретатором. Если А. А. Ахматова – один из самых ярких представителей этой культуры, то

¹ Гаспаров М. Л. ‘Ритм и метр’ Н. В. Недоброво в историческом контексте // “Шестые Тыняновские чтения”. Рига-Москва 1992; Орлова Е. Николай Недоброво: судьба и поэзия // “Вопросы литературы”, январь-февраль 1998, с. 134-155; Недоброво Н. Милый голос. Избранные произведения. Томск. Володей. 2001; Орлова Е. Литературная судьба Н. В. Недоброво, Томск-Москва 2004.

Недоброво, первый толкователь ее поэзии,² давший по общему признанию “самое пристальное – пронизательное и влюбленное – прочтение поэзии Анны Ахматовой”,³ стал одновременно одним из самых тонких ценителей культуры “серебряного века”. Если, проще говоря, идентифицировать декадентство с модернизмом, то уже в 1899 г. семнадцатилетний Недоброво знал культурные константы своей эпохи, то есть “здоровый” человек и последующий культ тела, с одной стороны, и “культура больных нервов” – с другой. “Идеал человека: здоровый ум, здоровое тело, больные нервы...” – писал он.⁴ Здоровые ум и тело – признаки реалистического склада ума, а больные нервы – символистского. Между реализмом и символизмом располагается декадентство, поэтому заключение поэта не может удивлять: “... я в высокой степени имею тенденцию чуть ли не сделаться декадентом”.⁵

Экзотизм и ретроспективизм (хронологический вариант экзотизма) декадентов – общеизвестный факт, однако именно в прошлом они находят смысл и силу для построения будущего. Более того, как утверждает Юлия Сазонова-Слонимская, биограф и близкая знакомая Николая Недоброво, он был человеком, любящим парадоксы и в какой-то мере сам был “парадоксальным”: при всем его увлечении художественными формами прошлого, при всей дендистской наружности⁶ и несмотря на его отчужденность от феноменов своего времени, он трезво, и даже пронизательнее, чем многие его современники, смотрел на грозное настоящее. “Мир будет заключен в 1918 году”, – пророчески заявлял он.⁷

² Недоброво Н. Анна Ахматова // “Русская мысль” 1915. № 7. Разд. II, с. 50-68.

³ Ермилова Е. В. Акмеизм // Русская литература рубежа веков (1890-е – 1920-х годов). Кн. 2. ИМЛИ РАН. Москва. Наследие. 2001, с. 454.

⁴ Цит. по: Орлова Е. Николай Недоброво: судьба и поэзия, с. 150.

⁵ Там же.

⁶ Хотя, насколько мне известно, в описаниях личности Недоброво нет явных черт дендизма. То, что О. Мандельштам пишет в своем примечании к “В не по чину барственной шубе” (“Египетская марка”, Москва 1991, с. 106), позволяет предположить присутствие данных черт, когда он вспоминает: “Язвительно-вежливый петербуржец, говорун поздних символических салонов...”. В свою очередь, Б. Лившиц смотрел на Недоброво именно как на образцового представителя того общественного вкуса, которого футуристы хотели “бить по щекам”, той публики, которую он очертил презрительными словами: “...эта англизированная человечья икра; снобы по убеждениям и дегустаторы по профессии...” (цит. по: Орлова Е. Николай Недоброво: судьба и поэзия, с. 138).

⁷ Сазонова-Слонимская Ю. Николай Владимирович Недоброво. Опыт портрета // Недоброво Н. В. Милый голос. Избранные произведения, с. 5.

И все же то, что мы видим в его стихотворениях, это не картины будущего, хотя нельзя утверждать, что это и исключительно картины прошлого. Это – картины художника как будто из другого времени: “Н. Недоброво был ‘классиком’ в недрах модернизма”,⁸ – писали о нем, что особенно заметно в одном “современном” стихотворении:

Это было на вчера открытой выставке
Союза русских художников.
Нет, не Сомов – нам не нужно,
чтоб из нас, подчеркнув, обезьян извлекали.
Нет, не Малявин – нам, тонко красивым,
страшно отдаться художнику ярких баб.
Нет, и не Врубель, не великий Врубель!
Мы не хотим искажения, хотя бы и гения,
не хотим быть сфинксами или демонами...
Нет, мы красивые красотой вековой,
никакого не нашли, кто бы мог написать наши руки,
кроме Ван Дика, мертвого Ван Дика...⁹

Если отказ поэта от таких художников, каких Малявин, слишком народного, и Врубель, слишком мифологического вкуса, нас не удивляет, то отказ Недоброво от Сомова, на мой взгляд, можно понять только в связи с гротескным пластом картин последнего. Но удивительным был бы этот отказ, если бы подумать о другом, типичном пласте, связанном со “стилизованным” представлением XVIII века и переплетающемся с первым, так как в своих стихах о петербургских картинах Недоброво является скорее собратом Сомова, чем его критиком: увлечение эпохой рококо и тревога перед современностью, менуэты арлекинов и смертные танцы чудищ, улыбающаяся маска Коломбины на ужасном лице апокалипсиса, или, наоборот, унылая маска современности на беззаботной мечте аристократического мира, освещенного пестрыми фейерверками. И все это, как у Сомова, так и у Недоброво, завуалировано, как было замечено в предыдущем стихотворении, в подчеркнутой индивидуалистской позе.

Чужды преданиям и народу
дворцы и церкви рококо,
и сад, печальную природу

⁸ Цит. по: Орлова Е. Николай Недоброво: судьба и поэзия., с. 149.

⁹ Недоброво Н. В. “Мы стояли друг против друга...” // Недоброво Н. В. Милый голос. Избранные произведения, с. 85.

преобразивший далеко,
и генералы в римских тогах,
и гладь искусственных озер,
и желтый гравий на дорогах,
и стриженной травы ковер.
Век проносился легкокрылый,
Россию заволок угар,
и вырос из болот унылый
и стройный каменный кошмар.
Не видно нив и слез отсюда,
и мысль, возникнувшая здесь,
туманится над жизнью люда,
бессилия и яда смесь.¹⁰

К этому не совсем самобытному вкладу в мифотворчество “непостижимого города” присоединяется корпус немногочисленных стихов о Петербурге, в котором выделяются оригинальные, порой и очень удачные стихотворные картины. Петербургская поэтическая топография Недоброво складывается из следующих городских топонимов: Лебяжья канавка, Летний сад, Нева с ее набережными и мостами, Петропавловский собор, улицы с прогуливающейся толпой.

Именно о прогуливающейся толпе размышляет поэт в сценке в прозе о повседневной жизни Петербурга, подписанной “Петербург. 8. IX. 1905”. Недоброво смотрит на встречающих, представителей человечества в целом, недоброжелательно и как будто не вмешиваясь, со стороны. Встречи на улице – это схватки двух самолюбий, и по взорам людей можно решить: кто победитель, а кто побежденный. Но даже победитель чувствует себя маленьким и оскорбленным встречающими, не обращающими на него никакого внимания, и сама прогулка, даже самая “равнодушная”, превращается в напряженное переживание.

Эту сценку петербургской повседневности мы без проблем могли бы отнести к любому городу, и эффект бы не изменился, однако именно указание места действует на наше воображение, его обуславливает, и из серой, неопределенной мостовой возникают перед нами громады петербургских домов, а из серого, безликого, даже призрачного множества гуляющих возникают лица, почему-то кажущиеся петербургскими.

Самое же удивительное то, как доказывает уже цитированная сценка, что в поэтическом мире Недоброво нет доброты. Не намереваясь пре-

¹⁰ “Царское Село” // Недоброво Н. В. Милый голос. Избранные произведения, с. 88.

даваться игре слов, замечу, что даже в тех местах, где надменную нелюбимость эстета смягчают любовные или эротические чувства и женские видения, его манера всегда имеет привкус холодной жеманности. Это ощущение повторяется и при чтении стихотворения “Летний сад”, в котором рассказывается о встрече, или, скорее, о неудавшейся попытке ухаживания за молодой дамой, сидящей на скамейке.

Здесь, мы опять находимся в “условном” петербургском пункте, зафиксированном не на основе определенных пространственно-временных координат, а в контекстуальной пустоте. “Условность” этого Летнего сада зависит только от названия-вывески: “Летний сад” можно было бы заменить вывеской, например, “Палэ Руайаль” или “Туйльри”, и никто бы не возразил. Благодаря обычному поведенческому комплексу восклицаний франта о белизне ее зонтика, с трудом ею скрытого волнения, его разочарования в том, что ее ждет пожилой генерал, и медленно стянутых перчаток, эти стихи чрезвычайно напоминают современные поэту галантные рассказы Анатолия Каменского, хотя, правда, без их “открытости”.¹¹ Однако, замечу, что в нюансировке подобной ситуации и особенно в использовании перчаток Анна Ахматова, муза Недоброво, справилась бы гораздо изысканнее...

В стихотворении “Наконец и вы по мерзлым ступеням”, посвященном Е. П. Магденко, Недоброво ближе подходит к сущности поэтической топографии Петербурга. Если ранее “петербургский текст” был до неузнаваемости условным, то здесь поэт становится исключительным экскурсоводом очередной дамы, только что приехавшей поездом в Петербург.

Наконец и вы по набережной снежной
шли со мной, любуясь Невой и дворцами,
и слушали с улыбкой прилежной
их названья, легенды и спрашивали сами.¹²

В цитируемых стихах поэт создает искусный хронотоп, пользуясь общей пространственно-временной парой “набережной снежной” и превращая ее в петербургскую при помощи топографических данных “Невы и дворцов”. Затем “топологическая” часть хронотопа соединяется с “хро-

¹¹ Позволю себе в связи с этим сослаться на статью: Persi U. “Les récits érotiques d’Anatolij Kamenskij: *Leda, Četyre, Ženščina*” // *Amour et érotisme dans la littérature russe du XXe siècle. Actes du Colloque de juin 1989 organisé par l’Université de Lausanne. Edité par L. Heller. Bern. Peter Lang. 1992, pp. 64-72.*

¹² “Наконец и вы по мерзлым ступеням” // Недоброво Н. В. Милый голос. Избранные произведения, с. 87.

нологической” благодаря намеку на легенды, скрытые в тех дворцах. Однако кульминация достигается при третьем “аллитерационном” повторе слова *наконец*¹³ когда субъект переходит от “вы” до невыраженного “я”:

Наконец и вам у Эрмитажного моста
стали ясны мои стихотворные клики
в честь Петербурга...

Как ни странно, кульминация достигается как на стиховедческом уровне, так и на топографически-поэтическом, поскольку действие происходит не только в одном из самых живописных мест Дворцовой набережной и всего города, но и в одном из самых перспективных как с пейзажной, так и с исторической точек зрения, нарисованном целым рядом выдающихся художников. Кажется, что гений Кваренги, соединив мостами театр с дворцом, а набережную Зимнего канала с Дворцовой и объединив весь комплекс арочными дугами театра, галереи и моста, сотворил тем самым элитарное место для эпифании “гениального” поэта.

Недоброво, мы только сейчас об этом узнаем, не просто гулял, разговаривая с дамой о Петербурге, а описывал его собственными стихами. Не менее важно, с другой стороны, поведение самого поэта, так как он не просто читал стихи своей подруге, а торжественно их декламировал, поскольку это не просто стихи, а восторженные восклицания, которыми он восхвалял город и стремился покорить “прилежную” женщину.

Фонтанка у Летнего сада. Гравюра по рисунку М. Махаева (1753 г.)

¹³ Первый раз слово *наконец* встречается в первом стихе “Наконец и вы по мерзлым ступеням”.

Цель, между прочим, с триумфом и без скромности была достигнута:

... и вы сказали просто:

“Как во всем, вы и в этом велики”.

Подобным “жестом” пользуется и подобную цель ставит перед собой и герой романа Габриеле Д’Аннунцио “Пламя” (1900 г.) – поэт-сверхчеловек Стэлио Эффрена, уже покоривший душу и тело Фоскарины (Элеоноры Дузе), готовый покорить всех женщин, его достойных. Сцена Эффрены, произносящего с балкона Дворца дождей торжественную речь о миссии гениального поэта – не Северная, а уже настоящая Венеция, но, по существу, интонация такая же. В стихотворении “Я, слава Богу, здесь здоров”¹⁴ Недоброво и не скрывает своего расположения к Д’Аннунцио:

Ведь тело женщины – есть храм.

Так говорит, по крайней мере,

В своем романе “Девы скал”

Д’Аннунцио, я ж воспитал

Себя в неколебимой вере

В его святой авторитет,

С которым я во всем согласен.

Он любит женщин, он поэт...

Если Недоброво в самом деле согласен с Д’Аннунцио, то он не мог не знать, что в “Девах скал”, как и в предыдущем, и в последующем романах, “Триумфе смерти” и “Пламени”, сущность бытия итальянским поэтом понимается в жизни сверхчеловека и славе возрожденной Италии.

Следовательно, восторженные восклицания русского поэта в честь Петербурга, произнесенные перед славой царских чертог, удивительно перекликаются с восторженной речью Эффрены в Венеции. Г. Д’Аннунцио в “Пламени” представляет картину Венеции, похожую на другую, нарисованную несколько лет спустя Райнером М. Рильке в стихотворении “Поздняя осень в Венеции”. Однако, если итальянец изображает любовную пару, Эффрену и Фоскарину, оканчивающих свою прогулку на гондоле, скользя между военными кораблями в портовом бассейне Сан Марко, то пражский немец воспекает прежнюю королеву морей следующим образом:

...Но со дна, из скелетов древних лесов,

Воля всплывет, как будто за ночь

¹⁴ “Я, слава Богу, здесь здоров” // Недоброво Н. В. Милый голос. Избранные произведения, с. 66-69.

Генерал моря удвоит галеры
В проснувшемся арсенале...¹⁵

Поэт-патриот Д'Аннунцио и поэт без родины Рильке парадоксально согласуются в представлении возрожденной и торжествующей Венеции, хотя для первого город в лагуне служил прежде всего символом новой, объединенной Италии. Однако подобные картины передают совсем иной (а у Д'Аннунцио даже какой-то неестественный, произвольный) образ Венеции, чем как было в то время модно. Тогда продолжала существовать и обострялась романтическая манера изображения декадентского, постдожеского города: "Смерть Венеции" (1903 г.) Мориса Барреса и "Смерть в Венеции" (1912 г.) Томаса Манна – только два ярких примера из десятка возможных. И в первом, и во втором произведении вода лагуны обозначена коннотатами дематериализации и пустоты: для Манна вода – "податливый элемент", "пустыня", "смутное, безмерное, вечное... ничто"; Баррес же рассказывает, как он причалил к острову Торчелло "после пятнадцатиминутного плавания в этом вечном молчании".

Как в литературе европейского декаданса редкие виды торжествующей Венеции перекрещиваются со множеством видов того же болезненного, умирающего города, так и в немногих стихотворениях Недоброво картина Петербурга, созданная в стихотворении "Наконец и вы по мерзлым ступеням" – единственный пример мажорного лада, сосуществующий с другими, минорными. В них, как и в Венеции, декадентский признак Петербурга обозначен водой, окутанной туманом и напоминающей пустоту. В коротком стихотворении "Нева зимой" ощущение дематериализованного города подчеркнуто целой цепочкой слов (*замерзая, стал, скован, мерзлой, охлаждаясь*), семантически связанных с "неподвижностью":

На Неве полыньи, замерзая, дымятся.
Воздух стал, скован мерзлой тканью тумана,
И солнце, в нем погруженное низко,
Охлаждаясь, уже покраснело,
А темно-серая пустая вода
Хочет совсем затушить в себе
И его потускневший отблеск.¹⁶

¹⁵ "...Aber vom Grund aus alten Waldskeletten / Steigt Willen auf: als sollte über Nacht // Der General des Meeres die Galeeren / Verdoppeln in dem wachen Arsenal..."; "Spätherbst in Venedig" из цикла "Neue Gedichte", 1907-1908 гг.

¹⁶ "Нева зимой" // Недоброво Н. В. Милый голос. Избранные произведения, с. 84.

По образно-концептуальным критериям диахронического литературоведения эта картина, строго говоря, не обозначала бы процесс упадничества, а как бы констатировала смерть городского пейзажа, однако закат солнца, умирающего не только из-за своего естественным образом завершённого цикла, но и из-за удушающего его тумана, лежащего над рекой, придает этой петербургской мифологеме литературный “вкус” эпохи. Образ удушливой и ядовитой, как Стикс, Невы, питающей на своих берегах ядовитую полынь, делает данную коннотацию более выразительной и удачно сочетает мифологические предания с библейски-апокалипсическими отзвуками и чертами божественного разрушительного поведения.¹⁷

В “Плане Петербурга” взгляд поэта поднимается от Невы в высоту, и перед нами открывается убедительный, хотя и строго стилизованный, вид на весь город. Однако и здесь минорный лад гимна Петербургу одерживает верх над мажорным: все элементы топографии столицы первых трех стихов (“Огромная река, широкие каналы, / Прямые широкие улицы, большие площади...”) “прекрасны в теплые белые ночи”, однако все остальные шесть опрокидывают эту картину в атмосферу противоположного знака, обозначенную ключевым для Недоброво словом “пустота”:

Но как раздольно на них взрываю зимнего ветра,
Как ненавистен их простор в морозы,
Когда всякая пустота леденит...¹⁸

Все стремится к теплой тесноте, к уюту, хотя бы даже одинокой кареты, но и там – только тепло двух тел, которые “и не любя” жмутся одно к другому. Топография города и “топография души”, геометрическое и нравственное измерения, очередной раз совпадают друг с другом в стуженой атмосфере этого “мизантропического” пейзажа. Не мягкий, осязаемый и родной простор необъятных “русских” полей, а хрустальный, химерический и надменный простор мраморной столицы отражается в воде. Именно отражение, притворное и “пустое” представление реальности, не только одна из черт Петербурга Недоброво, а его целого поэтического мира. Привлеченный этим феноменом, как в плане поэтических образов, так и в оптическом плане, поэт не один раз прибегает к принципу зеркальности, как, например, в стихотворениях “Е. М. М.” (1913 г.) и “За-

¹⁷ В живописи, например, подобное поведение изображено Эдгаром Дега в картине “Полынь” (L’absinte, 1877).

¹⁸ “План Петербурга” // Недоброво Н. В. Милый голос. Избранные произведения, с. 83.

конодательным скучая вздором” (1914 г.).¹⁹ В первом поэт желает подвести ее, Ахматову (?) или Е. П. Магденко (?), в музей Польди-Пеццолли, в Милане, к леонардескам:

Себя, смотрясь как в зеркала, в полотна,
Вы б видели печальной в половине,
А в остальных – жестокой беззаботно.

Двуличность “ее” образа в этом стихотворении примыкает к двуличности Петербурга в других примерах и распространяется на двуличность мира в целом. Однако увлечение Недоброво образом и практикой зеркального отражения становится красноречивой игрой в стихотворении “Законодательным скучая вздором”, в котором поэт не только напоминает о зеркальном письме Леонардо, но и сам в нем упражняется:

И здесь при всех, назло глазам нахальным,
Что Леонардо, я письмом зеркальным
Записываю спевшийся сонет.

Очарование теплых и светлых ночей кажется мимолетным даром за муки долгих и холодных месяцев, которые тем не менее являются, вместе с его таинственной зеркальностью, самой сущностью Петербурга. Все эти образные и концептуальные элементы повторяются на следующем “привале” стихотворной прогулки Недоброво по Петербургу – “Лебяжьей канавке”:

Белая ночь. В неподвижной воде Лебяжьей канавки
Отразились деревья Летнего сада.²⁰

Отличительная черта этой картины – опять-таки вода, однако уже не жидкая и подвижная, а застывшая и твердая, как настоящее зеркало: “Вода так неподвижна, что ее вовсе не видно...”. Кажущаяся же оппозиция “густота/пустота”, по всей видимости, “отразится” в поэзии Ахматовой. Однако, когда мы смотрим в зеркало, мы не видим его самого, а видим “пустую” игру света, не только потому, что игра не объект, а отражение реального субъекта, но и потому, что она не является знаком, который можно истолковать: если есть субъект, то есть и виртуальное его представление, как, например, если есть листок и почка, то есть и их точное отражение:

¹⁹ “Е. М. М.”, “Законодательным скучая вздором” // Недоброво Н. В. Милый голос. Избранные произведения, с. 115, 120.

²⁰ “Лебяжья канавка” // Недоброво Н. В. Милый голос. Избранные произведения, с. 75.

Видно только, что вниз растут деревья;
Ясно видны каждый листок, каждая почка.

Не упуская из виду, что “зеркальный образ зависим от медиума или канала, в котором он моделирован и которым он обязан”, то есть “воплощается в одном единственном канале, в зеркале”,²¹ мы видим, что тем не менее эта “световая игра” приобретает содержание только в прямом присутствии референта, устанавливающего *hic et nunc* соотношение между зеркальным образом и действительностью и тем самым возводящего эти зеркальные образы посредством поэтической отвлеченности до статуса символов:

А дальше воздух, пустота, беспредельность...

Летнего сада уже не стало, вода и канавка превратились в настоящее зеркало, за который хочется и можно заглянуть, однако и мир зазеркалья – лишь кажущееся явление:

И кажется, что дошел до края земли,
Кажется, что заглянул за землю.

Итак, на поверхности канавки-зеркала – кажущая реальность, за зеркалом, кажется, кое-что есть, но неизвестно что; и даже кажущаяся реальность, отраженная в зеркале, – не что иное, как верное отражение города, смотрящегося в воды северного Стикса, – города непостижимого, города-призрака, города обратного мира, где деревья растут вниз и в полночь светит солнце. А Лебяжья канавка – канал без лебедей.

В поэзии Недоброво Петербург, как мне думается, лишь *praetextus*. Его описание конкретно, однако слишком хрупко. Обещанный план Петербурга занимает только два стиха, осведомляющих нас о том, что в городе улицы широкие и прямые, площади большие и река огромная. О лебяжьей канавке говорится, что в ней отражаются деревья Летнего сада. И в том, и в другом случае все остальное – лишь “топография души” города, желание говорить о чем-то другом – о беспредельности, о “крае действительности”, о пустоте... Или о стихе.

В самом деле, в “Дидактической элегии о пристойном описанию Летнего Сада стихе” знаменитым петербургским садом (точнее, его планиметрией) поэт пользуется как конкретной, визуальной, дидактической основой для своей “теории” об александрийском стихе, написанной этим же стихом.

²¹ Eco U. *Sugli specchi e altri saggi* (О зеркалах и другие очерки). Milano, Bompiani, 1987, p. 25.

Александрийский стих? Уж от него отвык
 Мой в гибких новшествах изнеженный язык;
 Но непременно мне его тягучесть надо,
 Чтоб верно передать очарование сада.

В русской литературе “поэзия в поэзии” – не новость. Как справедливо замечает Е. Орлова в своей статье, “опыт этот восходит, конечно, к пушкинскому “Домику в Коломне”, где во вступлении Пушкин восхваляет октавы в форме октав же”.²² Однако мне кажется, что в этом стихотворении Недоброво существует тесная связь Сада со стихом – связь силлогического порядка, поскольку она соединяет Летний Сад с теорией александрийского стиха, и последний с его практикой реализации самого стихотворения. Тем самым этот факт подталкивает к мысли делать вывод о том, что сам Летний Сад стал стихом и, если расширить концепт, город стал поэзией.

В этом, на мой взгляд, и состоит новизна и оригинальность поэтического дарования Недоброво, хотя сам он этого и не осознавал.

Он – регулярный сад; к нему – такой же стих.
 Один и тот же дух спокойно веет в них:
 Деревья из земли высокими рядами
 Растут и тянутся печальными грядами,
 И к югу каждое из них наклонено,
 И на соседнее похоже, как одно.²³

В самом деле, как следует из подзаголовка одного из автографов, поэт написал “Дидактическую элегию...” “перед сочинением идиллии ‘Летний сад’”, а из подзаголовка другого автографа следует, что он написал элегию как “Этюд к ‘Летнему саду’”, в какой-то мере подчинив ее идиллии, между прочим написанной в тот же день. На мой взгляд, нет сомнений в том, что не идиллия “Летний сад” со своим легким привкусом манерного “бульварного” франтовства является настоящим вкладом в “петербургский текст”, а именно эта элегия, несмотря на ее скромное представление как “дидактическую”, то есть подготовительную.

Другой аспект оригинальности “Элегии” состоит в сходстве Сада и александрийского стиха в культурном пространстве модернизма, а точнее, в ее ретроспективизме / стилизации.

²² Орлова Е., Николай Недоброво: судьба и поэзия, с. 149.

²³ “Дидактическая элегия о пристойном описанию Летнего Сада стихе” // Недоброво Н. В. Милый голос. Избранные произведения, с. 74.

Исследователями художественной личности Недоброво выявлена его особая черта, связывающая поэта “классика и канониста” с поэтом своего времени.²⁴ Однако в России “серебряного века” поэт или художник своего времени в значительной мере идентифицировался с уважением к традициям классицизма. Несмотря на отрицательное мнение, высказанное Александром Бенуа о художественном явлении стилизации, сам он не мог полностью отказаться от нее, как и Лансере, Сомов и ряд других выдающихся художников того времени, если под “стилизацией” понимать не пошлую подражательность, а потребность найти уверенную стилевую опору в век “смерти богов”.²⁵

Так и стихотворец Недоброво колебался между верлибром и правилами (в данном контексте было бы уместно сказать “дидактикой”) версификации, боролся против академизма, но не мог мириться с современным “художническим произволом”, был “классиком”, а своей теорией о “силлабо-тоническом” стихе свалил с престола ломоносовскую – о “силлабо-метрическом”.²⁶ И все же, “Дидактическая элегия о пристойном описанию Летнего Сада стихе” вписывается именно в культуру возрождения мифа XVIII века, характеризующую эпоху между двумя веками, и, судя по самому названию стихотворения, уважение поэта обращено скорее к саду, прямому выражению искусства классической эпохи, чем к стиху. Ностальгия прошедших счастливых времен, олицетворенная “побитыми статуями” и “осенним ущербом”, сливается с регулярностью александрийского стиха:

²⁴ См. Орлова Е. Литературная судьба Н. В. Недоброво, с. 20.

²⁵ В связи с взглядами А. Бенуа, И. Грабаря и Л. Рудницкого на архитектуру и прикладные искусства XVIII века позволю себе сослаться на свою статью “L’architettura russa del Settecento in prospettiva modernista” (Русская архитектура XVIII века в модернистской перспективе) // *Dal mito al progetto. La cultura architettonica dei maestri italiani e ticinesi nella Russia neoclassica*, II, a cura di N. Navone e L. Tedeschi. Università della Svizzera Italiana, Mendrisio 2003, pp. 569-581).

²⁶ Теоретический вклад Недоброво в область версификации подробно исследован Е. Орловой в вышеуказанном произведении. В связи с этим следует обратить внимание на спор Н. Недоброво и А. Белого о роли метра и ритма в поэзии. Хотя Недоброво и был убежденным “канонистом”, все-таки он был и столь же убежденным сторонником превосходства свободы, дарованной ритмом, над тиранией метра, тем самым он создал своего рода поэтическую идеологию “упорядоченной свободы”, зиждущейся на филологической теории “силлабо-тонического стиха”. Об этом подробнее см.: Орлова Е. Литературная судьба Н. В. Недоброво, с. 159-188. Этой же проблематики касается и М. Гаспаров в статье: Ритм и метр Н. В. Недоброво в историческом контексте. “Шестые Тыняновские чтения”. Рига-Москва 1992.

Как саду этому идет ущерб осенний
 И чуть начавшийся, больной расцвет весенний,
 И как разъединенных, побитых статуй ряд
 Уместен странно здесь... Как он ласкает взгляд!
 Александрийский стих – он так же ущемленный
 И так же правильно и ровно разделенный
 Соседством парных рифм, цезурой посреди,
 Прошедшей красотой ложится на груди.

Как ласкающее взор зрелище, эвоцированное рифмовой парой “ряд - взгляд”, так и ласкающий ухо стихотворный ритм, эвоцированный парными рифмами и цезурами, содействует “стилизованной” реконструкции “прошедшей красоты”. Александрийский стих, доминирующая стихотворная форма в русском классицизме, благодаря силлабо-тоническому строю, является в своем русском воплощении еще совершеннее, чем французский.²⁷ Несмотря на это, в эпоху романтизма александрийский стих практически сошел со сцены русской поэзии, за редкими исключениями в одном стихотворении П. Вяземского (в котором, между прочим, поэт уже считает его устаревшим), в подражательных примерах и в некоторых романах А. Фета. В XX веке его равномерность вызывает ощущение архаичности, и именно в такой перспективе, хотя и позитивно, следует рассматривать переоценку александрийского стиха Николаем Недобровом: разъединенные, побитые статуи, ущемление – явная реификация архаического настроения:

И сад и стих близки, родны – они созданье
 Времен, когда одно простое сочетанье
 И строгость правильной и смиренной черты
 Являлись истинным законом красоты.

Таким образом, в александрийском стихотворении Николая Недоброва в необычном портрете Петербурга сливаются стих, архитектура и история. Строгость стихотворной симметрии подчеркивает грациозность и светлую геометрию Летнего Сада, сдержанно-строгие архитектурные каноны и беззаботную легкость XVIII века.

²⁷ Такое уточнение было мне подсказано М. Гаспаровым в личной беседе.